

С закрытыми глазами мне до сих пор удавалось вызвать в себе ощущение, каково это — когда солнышко греет нос и щёки и в тебя проникает не похожее ни на что на свете тепло, от него тает сердце, и ты не в состоянии думать ни о чём плохом. Словом, я знала, что солнце когда-то существовало, хотя исчезло оно давным-давно, мне тогда был всего годик.

В моём мире солнца не было. В моём мире бесконечный дождь пропитал влагой леса и поля, мелкие капли вечно стучали по крыше и с плеском разбивались о поверхность луж. У нас не было ни лета, ни осени, ни зимы, ни весны, а ведь дедушка говорил, что весна — самое прекрасное время года. У нас не было ни ночи, ни дня, только вечные сумерки. Верхушки гор освещал тусклый свет, всё остальное тонуло в потёмках. Когда пора вставать, когда ложиться, показывали лишь часы на рыночной площади. Мой мир был тёмным и мокрым. День за днём дождь и хмарь, даже грозы с громом и молниями ни разу не случалось. И не забудь дедушка как-то раз взять на работу еду, я так никогда и не узнала бы, какую тайну он скрывает в своей теплице, и тогда всё так и осталось бы — тоскливым и мрачным. Навсегда.

Хлеб на столе я заметила сразу после его ухода — чёрствую горбушку, которой едва хватило бы, чтобы накормить взрослого мужчину, но, когда у нас заканчивались овощи, приходилось сидеть на сухарях.

Я бросилась к двери вслед за дедушкой, но он уже исчез из виду. Я постояла в раздумьях с горбушкой в руке, потом завернула её в полотенце, сунула в карман фартука и стала натягивать дождевик. Он был мне великоват, мне отдали его донашивать из жалости. Вслух этого никто не произносил, но я знала, что многие жалели меня, «сиротку Лилию». Я ощущала на себе сочувственные взгляды взрослых, слышала, как они перешёптываются, когда я прохожу мимо. К этому я уже привыкла, ведь я была сиротой сколько себя помню.

На улице тихо шёл дождь, его нити колыхались на ветру, будто трава.

Перед домом стояла огромная лужа, слишком большая, чтобы перепрыгнуть. Пришлось идти прямо по ней, другого выхода не было. Я почувствовала, как в мои протёртые до дыр сапоги проникает вода, ноги сразу промокли. При каждом шаге сапоги хлюпали: хлип-хлюп. Ненавижу, когда промокают ноги. Хуже не бывает, разве только

когда промокают плечи, а они промокают, когда слишком долго пробудешь на улице, даже в дождевике. Льёт ведь без конца — какой тут дождевик выдержит! Мало-помалу капли затекают за шиворот, просачиваются сквозь швы, особенно на плечах. А когда промокли плечи, понимаешь, что пора домой.

Перебравшись через лужу, я увидела Тома и Тею. Они играли у ручья, протекавшего между нашими домами. Тея пела, а её младший братишка пытался подпевать. Песенка была мне хорошо знакома, её пели все дети у нас в деревне:

*Солнышко-солнце, куда ты ушло?
Как же нам нужно твоё тепло!
Вот уже целую сотню лет
Ни зим, ни вёсен, ни лета нет,
Лишь осенний дождь обложной
Дождь сплошной
Висит пеленой.**

Тея и Том строили запруду. Дети нашей деревни часто так играли — что-то, а строить запруды они научились, и лучше всех это умела Тея. Сегодня она соорудила запруду в верхней части ручья и оттуда направила воду на колесо, которое сколотила из кусочков дерева. Колесо завертелось, и Том в восторге захлопал в ладоши.

— Здрóрово! — сказала я.

Тея обернулась и кивнула мне.

— Ещё не готово. Хочу сделать колесо побольше, чтобы оно нам послужило. Может, получится, чтобы свет давало.

— Свет! — воскликнул Том.

* Перевод Екатерины Чевкиной.

— Умно! — проговорила я.

— Ещё как умно! — Том шмыгнул носом и утёрся рукавом. Насморк у него был постоянно, наверняка оттого, что вечно ходил с мокрыми ногами.

— А ты куда? — спросила Тея. — Давай к нам строить!

— Мне нужно в теплицу, к дедушке.

— А-а, — разочарованно протянула она. — За овощами?

— Нет, — ответила я, — еды ему отнести.

И я показала им горбушку.

— Но хоть немножко-то овощей принеси! — попросил Том. — Хотя бы одну морковку.

Я покачала головой.

— Не знаю, есть ли у него что сегодня. И потом, он никогда не разрешает ему помогать. Всегда носит овощи на рыночную площадь сам.

— Жалко... — вздохнул Том. — И ты ни разу в теплицу не заходила?

— Нет, — улыбнулась я. — И ты это прекрасно знаешь.

Пока он играл, капюшон съехал на затылок, и стало видно, какой Том худой и бледный. «Как похудел», — подумала я и перевела взгляд на Тею. Она была очень похожа на брата, такая же худая и бледная. Словно тают оба с каждым днём.

Я поспешила дальше по размокшей глинистой дороге. На рыночной площади мне навстречу попался пастух Юнас со своим стадом. Шерсть у овец была вся в грязи. Когда пастух их подгонял, они слабо блеяли. Потом я увидела крестьянку Анну в насквозь промокшем комбинезоне и высоких, облепленных грязью сапогах. Она запрягала в повозку свою старушку-лошадь и кивнула мне. Лошадь была под стать хозяйке, такая же тощая. Как и все мы... Я и сама, пожалуй, таю. Не помню, когда последний раз мне нужны были сапоги побольше. Поэтому они и истёрлись до дыр. Я износила их, не успев из них вырасти.

В конце концов я вышла на другую окраину деревни. За ней простирались поля, где крестьяне пытались вырастить зерно, и пастбища, где пара коров искала среди посеревшей травы зелёные побеги. Через поле тянулись две узкие колеи, и я старалась идти строго между ними, чтобы не промочить ноги ещё больше. Впереди показалась дедушкина теплица. Она стояла на лугу, поросшем вялой травой и плотным кустарником. За лугом начинался лес — стена чёрных стволов и веток, ёлка за ёлкой вплоть до самых гор, их очертания проступали на горизонте в блёклом зареве над ними.

В лес мы никогда не заходили, нам не разрешали. «Держитесь от леса подальше, — говорили взрослые, — там так темно, что, стоит только зайти, тут же заблудишься и никогда не найдёшь дорогу обратно».

Когда мы были помладше, случалось, мы с Теей играли, будто пошли в лес. Мы крались меж чёрных стволов, за которыми прятались страшные твари, готовые в любую минуту схватить нас. Про тварей придумала Тея. Она считала, что в лесу, кроме мёртвых деревьев и темноты, есть ещё что-то, что взрослые от нас скрывают, — наверняка чудовища. Как-то вечером она подслушала, как перешёптывались родители. Её отец ходил охотиться на ворон и в глубине леса увидел два сверкающих на тёмном лице глаза. Он убежал без оглядки и с тех пор ловил ворон только на полях, а мы стали играть в лесных чудищ... Это было давно, теперь мы вместе не играли. Тея младше меня на год, и раньше это будто бы не имело значения, а в последнее время вдруг оказалось, что разделяющие нас тринадцать месяцев — это очень много. Тее по-прежнему хотелось возиться в воде, строить запруды, а мне надоели и ручей, и игры в чудовищ, но что предложить взамен, я не знала. Чем заняться, когда прекращаешь играть в игры? Просто гулять? Сидеть на площади, болтать и ничего не делать? Этого Тее я предложить не могла, она меня просто высмеяла бы.

Я вышла к теплице. Наружу проникал чистый белый свет ламп — единственный свет, питающий растения. Что там внутри, с улицы было не видно, потому как стёкла были заклеены бумагой. В теплицу имел доступ только дедушка, и я не находила в себе смелости спросить — почему. Я много о чём боялась его спрашивать.

«Да у тебя, видать, удобрения волшебные!» — посмеиваясь, говорили дедушке жители деревни. Но ни ответа, ни объяснений никто не ждал. Все были счастливы уже тем, что раз в три дня дедушка приносил им крупные свежие овощи: ярко-красные помидоры, оранжевую морковь, тёмно-зелёные огурцы, крепкие хрустящие стручки гороха с маленькими сахарными горошинами, которые будто скачут во рту, когда их ешь.

Когда я думала о дедушке, меня переполняла гордость. Ведь в деревне он был, пожалуй, самым важным человеком. Не будь его, мы все давно умерли бы с голоду. Пусть уж лучше происходящее в теплице остаётся тайной.

— Дедушка! Ты здесь?

Я подошла к двери и постучала. На двери висела большая табличка «Посторонним вход воспрещён».

Ответа не было.

Я окликнула ещё раз:

— Дедушка, это я! Я тебе хлеб принесла.

Приложив ухо к двери, я прислушалась. Тишина. Только слабое жужжание, наверняка от ламп, больше ничего.

Я свернула за угол и пошла вдоль длинной стены теплицы. Так близко я редко подходила, дедушка мне запретил. Пару раз я нарушала запрет, и тогда он страшно сердился: «Сколько раз я говорил держаться от парника подальше, тебе нечего там делать!»

Наверное, мне следовало вернуться. Но я же просто хотела отдать ему хлеб, чтобы он не ходил весь день голодный.

У дальнего угла теплицы я остановилась и осторожно постучала в стекло.
— Дедушка!

Опять никакого ответа. Я прижалась лицом к стеклу и обнаружила, что внизу, на стыке двух листов, бумага прорвалась и через щёлку можно заглянуть внутрь.

Я наклонилась и заглянула.

Яркий свет ослепил меня. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы к нему привыкнуть. На уровне глаз стоял стеллаж с растениями и рассадой.

Не знаю, сколько раз я представляла себе дедушкину теплицу: крепкие зелёные растения, обсыпанные ягодами кусты, плодовые деревья в кадках, овощи и фрукты всевозможных цветов и оттенков под тёплым светом ламп.

То, что я увидела, было совсем на это не похоже. Прямо передо мной тянулся вверх бледный маленький росток, тонкий и жалкий, напоминающий те, что иногда проклёвывались на полях, но так и не успевали толком вырасти из-за вечных дождей. Рядом лежала парочка мелких бледно-розовых корнеплодов — ага, редиска.

Я наклонилась пониже, чтобы разглядеть, где же те самые свежие аппетитные овощи, что раз в три дня приносил в деревню дедушка, но ничего, кроме бледной рассады и крохотных жалких растений, не увидела.

Сердце бешено заколотилось. Я бросилась обратно к двери. Не раздумывая и даже не постучавшись, я распахнула её и впервые вошла в дедушкину теплицу.

Сколько себя помню, я мечтала, чтобы произошло хоть что-нибудь, что изменило бы всё к лучшему, и в моей жизни, и в мире. И больше всего на свете мечтала о двух вещах: не быть сиротой и увидеть весну.

«Расскажи о временах года! — попросила я перед сном дедушку как-то раз, когда была помладше. — Расскажи о лете, об осени, о зиме. И о весне!» В тот день я услышала, как старшие мальчики на площади говорили, что раньше год делили на четыре части, их называли временами года. И, к счастью, дедушка согласился. Он рассказал о лете, укрывавшем землю цветочным ковром, о светлых ночах в июне, июле и августе. Об осени — сентябре и октябре — самом богатом времени года, когда в полях колосились овёс и пшеница, а грядки ломились от овощей. Рассказал, как в ноябре всё кругом покрывалось изморозью, наступала зима и на протяжении трёх самых тёмных месяцев — декабря, января и февраля — скрывала под толстым слоем снега всё неприглядное и серое. И дедушка поведал мне о весне, самом лучшем времени года — о марте, апреле и мае, — когда весь мир просыпался от зимней спячки и природа вдруг начинала меняться со сказочной быстротой: прорастали семена, покрывались листьями деревья, прилетали

певчие дрозды и начинали высвистывать свои
долгие звонкие трели. Рассказал дедушка
и о солнце, светящемся огненным шаром,
который катился по небу с восто-
ка на запад, чтобы на ночь ис-
чезнуть, а утром появиться
снова. Это благодаря ему
весной всё вырастало буд-
то из ничего, наполнялось
жизнью, а летом цвело
и зрело. Зимой солнце игра-
ло с нами в прятки, говорил
дедушка, его свет становился
бледнее и холоднее, оно пряталось,
и наступали холода. А следующей
весной оно возвращалось таким же
сильным и ярким, как прежде.

«Весна! — думала я. — Вот бы застать
её, увидеть, как мир вокруг взаправду меняется,
а не остаётся всегда неизменным».

— А я же видела солнце? — спросила я дедушку. — Грелась в его лучах?

— Да, Лиленька, — ответил он, — так оно и было.

Дедушка выговаривал слова очень медленно. Наверное, потому, что ра-
бота выматывала его. Или потому, что его снедала невыносимая грусть, он
тосковал по всему тому, что мы потеряли. И двигался он медленно и осто-
рожно, будто пробирался через заросли крапивы, бесконечные заросли,
из которых ему не выбраться.

— В первый год твоей жизни солнце ещё светило, — сказал он.

— Я его помню, — откликнулась я, — кажется, помню.
— Ты же была совсем крохой.
— Оно оставляло на носу такие маленькие рыжие точки, правда?
— Да, правда.
— А потом солнце исчезло?
— Да. Когда тебе исполнился год, оно исчезло. Исчезло и никогда больше не возвращалось.

Дедушка с грустью посмотрел на меня. Он подался ко мне и приподнял руку. На секунду мне показалось, что он собирается меня обнять. «Вот сейчас он распахнёт объятия, — подумала я, — и прижмёт меня к себе». Вдруг я почувствовала ком в горле. Как мне хотелось, чтобы он обнял меня, как обнимают только мама с папой да бабушка с дедушкой, чтобы показать своим детям и внукам, что они заботятся о них, любят их. «Интересно, каково это, колется ли его щетина? — подумалось мне. — Наверное, когда тебя обнимают, возникает какое-то особое, тёплое чувство».

Но ничего не произошло. Дедушка меня не обнял. Он просто протянул руку и неуклюже потрепал меня по плечу. Через свитер прикосновения я почти не почувствовала.

И я проглотила подступивший к горлу ком.

Обниматься у нас с дедушкой было не принято. Ну и ладно. Ничего страшного. Это нормально.

Мне дали имя в честь высокого светлюбивого цветка лилии, но на самом деле следовало назвать меня по-другому, в честь маленького робкого цветка, который лучше всего растёт в тени, ведь некоторые растения почти не требуют ухода, да и свет им особо не нужен. Я и есть такое растение.

Разговор, видимо, был окончен. Дедушка встал, подошёл к печке и подбросил в огонь ещё полено. Выглядел он разбитым и печальным. «Бедный дедушка, как он устал, целыми днями работает в теплице один-одинёшенек,

помощников к себе не пускает», — подумала я, но высказать это не решилась. Мне показалось, что проще промолчать.

Вместо этого я снова спросила:

— Солнце пропало, когда я была совсем ребёнком, и не вернётся ещё сотню лет, так ведь? Точно как поётся в песне?

Полено разгорелось, и пламя осветило дедушкино лицо.